

Кунгур при красных или к вопросу о «красном терроре»

Летом 1918 г. обострилась политическая и военная обстановка в стране. В мае 1918 г. Кунгурский уезд был объявлен на военном положении. Исполком Кунгурского Совета принимает решение об обложении буржуазии. На одном из собраний членов Исполкома в июле 1918 г. решался вопрос о распределении всего национализированного имущества Агеевых, Грибушина, Ковалева, Кузнецова. В марте 1918 г. в докладе начальника милиции Шарипо вновь поднимается вопрос о конфискации имущества и о «бегавших от принудительного займа Плоткина и Ковалева, и опись имущества, уплативших принудительный займ». Реквизируются дачи Ковалева и Жебелева, по просьбе союза инвалидов два монастырских дома и столярная мастерская. Типографии реквизированы и соединены в одну, отделение больницы переводиться в богадельню. Реквизируются медикаменты во всех аптеках и аптекарских магазинах. 25 июня 1918 г. создается Кунгурская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией, саботажем. Председателем ЧК стал В.И. Исупов. Обыски и аресты буржуазных элементов, конфискация имущества шли круглые сутки. В составе ЧК были так называемые агенты, некоторые из них начинали свою революционную деятельность в боевых дружинах, летучем отряде, отрядах Красной Гвардии. В июне 1918 г. председателем Кунгурского Чрезкома был выдан ордер членам ЧК Голованову, Метелеву и Бочкареву на обыск у арестованного купца И.Е.Черноусова (впоследствии расстрелян). В списках конфискованного имущества были указаны не только ценности и деньги, но и «60 пачек спичек, полозья для саней, ящики с гвоздями, мешки с овсом, листы железа, и даже 27 бочек тухлой селедки». Часть конфискованного имущества на сумму 1243 руб. 65 коп. была передана Союзу потребительского общества. Конфискация драгоценностей и денег шла «по крупному». Были реквизированы деньги и кредитные билеты в Кунгурском земельном, лесном и сельскохозяйственном отделах на сумму 262 тыс. 948 руб. 50 коп. Мотивация – спешная эвакуация. В списках на конфискацию золотых и серебряных изделий и денежных сумм значились фамилии купцов, дворян, чиновников. Напротив некоторых фамилий было указано «обыск», «конфискация». Многие, из указанных в списках, впоследствии были расстреляны. 3 октября 1918 г. была проведена опись имущества в кабинете комиссара милиции по Кунгурскому уезду Ермолаева. Описали все, что было конфисковано при арестах и обысках и находилось в его кабинете. Это оружие, одежда, чемоданы с вещами, ювелирные украшения, нумизматика, граммофон с грампластинками, альбомы, книги, статуэтки, медный поднос, чайник и стакан с серебряным подстаканником из гостиницы Щербакова, деньги, все вплоть до коробок с духами. В сейфе были

описаны ручная бомба, оружие, патроны, часы, деньги в сумме 1494 руб. 38 коп., а также 6 пустых кошельков. Здесь же лежала записка «Убит» и опись конфискованных денег у арестованных с указанием сумм.

С приходом в Кунгур частей 3-й Уральской дивизии Красной Армии красный террор усилился. В сентябре 1918 г. проходят массовые расстрелы «контрреволюционных элементов», в газете «Часовой революции», органе издания 3-й дивизии, публикуются списки расстрелянных за подписью товарища председателя Следственной Комиссии Штаба 3-й дивизии Ефремова. Тела расстрелянных кунгуряков хоронят в общей братской могиле за городом. Но не все были расстреляны сразу. Прежде они несколько недель провели в Кунгурской тюрьме, где их периодически с момента ареста с июня 1918 г. со зверскими избиениями допрашивал и расстреливал сам Ефремов. По воспоминаниям очевидцев вначале Ефремов произвел на заключенных приятное впечатление. Поддавшись «его вкрадчивому и ласковому тону», с каким он обратился к заключенным, у многих появилась надежда на освобождение. Впоследствии они убедились, насколько жесток и вспыльчив был этот человек. Так без суда и следствия им во время допроса был расстрелян офицер 153 полка Трачено. Бывших членов Союза Русского народа посадили вместе в 10 камеру. В ней оказались судебный следователь С. Гайль, А. Ануфриев, Г. Стрижев, Жебелев, Турицин, Елтышев, братья Носковы, отец и сын Чадаевы. Заключенные пытались каким-то образом поддерживать связь с окружающими. Писали записки, закатывали их в хлебный мякиш и выбрасывали в окно родным.

21 сентября 1918 г многие из них были расстреляны. Тех, кого еще не успели расстрелять, построили и без вещей пешком отправили на ст. Кунгур: «...Спокойно выходим на тюремный двор. У ворот нас ожидает отряд боевой дружины местных коммунистов. Вооруженные с головы до ног, с пестро развевающимися на рукавах и на шапках красными лентами и какими-то значками на груди. С невскрывающейся ненавистью в глазах окружают нас. Выстраивают по два. Доходим до места. Где тропинка ведет в лес. Мозг мучительно и напряженно работает. Если свернут с дороги, то конец. Все ближе и ближе роковая тропинка. Мы замираем...Роковое место пройдено. Вот и вокзал...». На ст. Кунгур арестованных посадили в вагон. Рядом в составе находились вагоны с надписью: «Следственная комиссия 3-й Уральской дивизии» и «Военно-полевой контроль». В «ефремовском вагоне смерти» оказались А.И. Клементьев, С.Л. Сартаков и П.С. Сартаков, Д.М. Титов, П. Косулин, лесопромышленник Машанов, Скрипов, Мельников, священник Знаменский и его зять Г.А. Стрижев, С. С. Гайль, В. Накаряков (бывший городской голова), А.Ануфриев, С.В. Пиликин и другие. Дальнейшая судьба их печальна. Многие навсегда исчезли в пекле красного террора. 6 мая 1919 г., когда в г. Кунгуре находились части Белой Армии, газета «Кунгурский вестник» сообщала: «Тела зверски убитых судебного пристава С.С. Гайля и присяжного поверенного Г.А. Стрижева 4 мая были найдены в лесу за железнодорожной линией близ станции Кунгур. Отпевание убиенных пройдет в Успенской церкви, похороны в ограде Собора».

11 октября 1918 г. на Соборной площади у недавно открытого памятника К. Марксу, состоялись похороны красноармейцев, погибших на подступах к Кунгуру. Газета «Кунгурский листок» сообщила об этом: «11 числа происходили похороны товарищей Орлова и Воронежского. Похоронная процессия двинулась к Соборной площади, где у памятника была приготовлена братская могила. Процессия была очень торжественная. Чувствовались, что присутствующие молчаливо присягали перед трупами погибших, отомстить врагу за их смерть». Воспитанник Грибушинского приюта писал в своих воспоминаниях об этих страшных днях: «Купечество Кунгура было расстреляно в сосновом бору, начиная от лога Семковской дачи и вплоть до Кротовского озера. А одного даже в самом Кротовском озере. Расстрелом руководил и расстреливал Александр Голованов и его брат, а так же Алексей Осипов и Жариков. Последний не успел отступить с красными, был пойман в своей деревне Кадочниково, привязан за ноги к конскому хвосту и так его тащили до Пиликинских домов, где он скончался... Летом 1918 г. после падения Екатеринбурга к нам стали прибывать останки убитых на фронте красноармейцев, которых хоронили на Красной площади. Хоронили их в боевой одежде и даже при оружии, со всеми почестями, с духовым оркестром и оружейным залпом. С первых дней присутствия в Кунгуре колчаковцев стали производить раскопки ям, где были расстреляны купечество и свозить в бывший чаевой магазин Грибушина. Там были оборудованы нары в 2 яруса с обеих сторон, где тела опознавали родственники. Одну из групп похоронили у Успенской церкви, а вторую похоронили в ограде Соборов. В тоже время похороненные красноармейцы и командиры на Красной площади и у памятника Пугачеву были вырыты и вывезены на свалку за Вознесенское кладбище. 1 июля 1919 г. Кунгур был освобожден Красной армией. А 2 июля 1919 г. все трупы бойцов и командиров Красной Армии, которые были свалены на свалке, извлекли, обмыли, и похоронили в братской могиле недалеко от Вознесенской церкви. Был воздвигнут памятник, куда каждый год в день освобождения Кунгура от колчаковцев ходят кунгуряки... ».

Елтышева Л.Ю.

зав. отделом истории музея-заповедника.